

(интенциональности, т. е. виртуального вынесения образа «наружу») осуществляется благодаря такой способности сознания, как вера (belief-вера и faith-вера). Операционный инвариант, вероятно, начинает онтологизироваться нашим сознанием, даже если он слабо соответствует сущности познаваемого предмета. Физики никогда, например, не видели кварков, но наглядно представляют себе их атрибуты («странность», «очарование», «аромат» и пр.) и оперируют их наглядной моделью, принимаемой за сами кварки. Отсюда, онтологизация знания чаще является иллюзией истины, и она далеко не тождественна обретению человеком подлинной истины.

Итак, для онтологизации операционного инварианта необходимо:

а) его образование из различающихся схем действия путем их интерференции;

б) проецирование его на эталонную систему знания, ранее сформировавшуюся и относительно проверенную;

в) включение во внешнюю предметную деятельность в форме цели, вынесение его (субъективно) во внешний мир.

Выполнение этих условий означает, что онтологизированный операционный инвариант совершается как интегральное свойство взаимоположения субъекта и объекта.

ЦЕННОСТНОЕ СОЗНАНИЕ В СВЕТЕ ОНТОЛОГИИ

Ю. И. Мирошников

доктор философских наук, доцент

Сознание – чрезвычайно важное онтологическое свойство, позволяющее существу быть данным самому себе и другим. В мире, лишенном сознания, невозможно самопереживание и переживание другого⁸⁴. Оно усложняет мир человека, создавая основу для тонкой внутренней мотивации его поведения. Вместе с тем сознание дает возможность постигать ценностные свойства бытия, а также активно участвовать в формировании ценностного отношения человека к природе, обществу, культуре, другим людям. Благодаря языку и иным экстралингвистическим средствам коммуникации ценностные отношения, представленные в сознании субъекта, обретают статус социальных феноменов.

В контексте постижения ценностных свойств бытия и формирования субъективных элементов ценностных отношений сознание индивида, социальных групп и общества в целом рассматривается здесь как ценностное сознание. Данное понятие – абстракция, за которой следует видеть определенный срез реального сознания людей, а не некое автономное духовное образование.

⁸⁴ Лосский Н. О. Бог и мировое зло. М.: Республика, 1994. С. 267.

Методологическая полезность этой абстракции заключается в том, что она раздвигает рамки познания человеком своих духовных сил.

В отечественной философской литературе долгое время господствовал так называемый гносеологизм, закрывавший дорогу к исследованию эмоциональной и волевой сфер человека, пониманию его оценочной и волевой деятельности. Между тем аксиология как особая философская дисциплина, возникшая благодаря И. Канту и неокантианству в XIX в., настойчиво заставляла по-новому смотреть на функционирование социума, самосознание людей.

Задача постижения закономерностей общественной жизни, хода человеческой истории усложняется и вместе с тем обогащается необходимостью исследования внутреннего мира людей, ценностной мотивации их поступков. В сфере ценностных предпочтений (оценок, норм, идеалов и др.) идет постоянная борьба. Ее результаты не обеспечиваются чисто научными аргументами: человек совершает свой выбор на других малоизученных основаниях, что используется современными средствами массовой коммуникации в целях манипулирования общественным мнением.

В силу духовной незавершенности человек не имеет окончательно установившихся представлений о том, что хорошо и что плохо, что прекрасно и что безобразно и т. д. Мы видим постоянное историческое изменение взглядов на ценностные свойства бытия. Мир ценностей («аксиосфера культуры» в терминологии М. С. Кагана⁸⁵) средневекового общества отличается рядом особенностей от античного. Новоевропейское буржуазное общество утверждает систему ценностных ориентиров, не похожую на ценностные представления и отношения средневековой Европы. Эта динамика господствующих ценностных картин мира может быть описана как перманентный переход от космоцентризма к теоцентризму, а от него к антропоцентризму. «Вертикальная доминанта» ценностного сознания Средневековья атакуется аксиосферой буржуазной культуры, происходит постепенный поворот массового сознания от ценного к полезному, в плоскость социальных и технических преобразований, ведущих к удовлетворению растущих потребностей населения в разнообразных благах цивилизации.

Многие авторы, отмечающие историческое изменение ценностного сознания, в силу этого неопровержимого факта эволюции полагают, что оно, в сущности, является не способом постижения ценностных форм бытия, а основой их конституирования. При таком подходе мир ценностей замыкается миром культуры, а реальным носителем ценностей культуры выступает человек, человечество,

⁸⁵ Каган М. С. Философская теория ценности. СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1997. С. 10.

род людской. «Если же посмотреть на историю культуры как на процесс развития лежащего в ее основе ценностного сознания, то окажется, — утверждает М. С. Каган, — что гегелевский закон неравномерного развития [видов искусства — Ю. М.] действует и здесь, приводя к смене ценностных доминант и соответственно к постоянной реструктуризации аксиосферы»⁸⁶.

Смена исторических типов ценностного сознания происходит в процессе острой борьбы религии, искусства, науки, философии за подлинные ценности жизни, лидерство в духовной культуре. В античности в этом качестве выступали искусство и философия, в Средние века — религия, в Новое время — наука. Однако картина сменяющих друг друга форм ценностного сознания отнюдь не означает торжества релятивизма, ибо в каждой из названных эпох совершаются неустанный поиск и утверждение объективных ценностей природы, общества и человеческого существования. Искусство постигает и выражает красоту мира, мораль — добро, религия — святость, наука — истину. К примеру, совершенно справедливо Т. Н. Москалькова пишет, что «мораль — это сторона культуры, непосредственно обращенная к типам и способам, целям и ценностям человеческого поведения»⁸⁷.

Общая направленность всех форм и исторических типов ценностного сознания состоит в настойчивом постижении ценностных абсолютов, незыблемых и объективных ценностей. Именно ценностные качества бытия (природы, общества и человека) являются исходным объектом и основой формирования ценностного сознания. Думается, вряд ли правомерно основой считать что-либо вне и помимо ценностей, либо признавать таковыми лишь ценности культуры. В. И. Плотников полагает, что «основанием всего ценностного мира выступает культура»⁸⁸. Таким образом, давняя европейская традиция чтить ценностные свойства природного мира (например, мысль Б. Паскаля о том, что «природа — образ благодати»⁸⁹) здесь не принимается во внимание. Более того, В. И. Плотников считает слишком общим вывод о культурном базисе всего ценностного мира и в связи с этим пишет: «Теперь задачей исследователя становится нахождение внутри культуры того механизма, который непосредственно порождает аксиологическое отношение, какую бы конкретную форму он ни принимал. Мы исходим здесь из допущения, что вся жизнь

⁸⁶ Там же. С. 134.

⁸⁷ Москалькова Т. Н. Противодействие злу в русской религиозной философии. М.: Проспект, 1999. С. 18.

⁸⁸ Плотников В. И. Ценностный мир человека и его судьба // Двадцать лекций по философии: учеб. пособие. Екатеринбург: Урал. ун-та, 2001. С. 384.

⁸⁹ Паскаль Б. Мысли. М.: Изд-во имени Сабашниковых, 1995. С. 233.

человеческая представляет собой осуществление проекта, который вырабатываем мы сами <...>⁹⁰. Итак, мысль автора, ищущая основания ценностного сознания, от культуры возвращается к проективной деятельности человека, т. е. в конечном счете вновь к сознанию. Данные основания оказываются имманентными ему самому, а ценностные (аксиологические) отношения неизбежно должны при этом терять субъектно-объектный характер. Позицию В. И. Плотникова, по сути, разделяют В. В. Скоробогачкий и И. Б. Фан: «Смысл как бы соединяет мир предметов культуры с индивидом, раскрывая значимость предметов для субъекта, выражая субъективное измерение этих предметов, их неотделимость от человека и его предметно-преобразующей деятельности. Тем самым смысл конституирует отношение человека к предметному миру как ценностное отношение <...>⁹¹.

Нет сомнений, что понятие «ценностное отношение» является одним из ключевых в аксиологии: благодаря ему совершенно естественно возникает вопрос об объекте ценностного отношения, т. е. ценности. Л. Н. Столович правильно утверждает, что данная проблема — основной вопрос аксиологии⁹². В рамках марксизма объект ценностного отношения — мир материальных предметов, противостоящий сознающему субъекту. В этом плане К. Маркс не нарушает многовековой европейской традиции, выносящей ценности мира за пределы человеческой субъективности. Правда, для самого Маркса сфера значимых предметов ограничена социально-исторической деятельностью людей, прежде всего производством и потреблением материальных благ. Как напоминает Л. Н. Столович, ценность, по Марксу, объективна, но не в природно-натуральном смысле, а социально-историческом⁹³.

Вполне правомерен и более широкий подход, по которому предметы природы сами по себе способны выступать в качестве носителей ценностных свойств. Такая позиция господствовала в домарксистской философии, ее можно было встретить в работах российских марксистов прошлого века. Например, М. А. Лившиц писал, что ценность любого предмета (предмета природы в том числе) заключается в его истинности, т. е. самоидентичности, полноте его воплощения в действительности. Каждый предмет в той или иной мере приближается к норме исторического бытия,

⁹⁰ Плотников В. И. Ценностный мир человека и его судьба // Двадцать лекций по философии: учеб. пособие. Екатеринбург: Урал. ун-та, 2001. С. 384.

⁹¹ Скоробогачкий В. В., Фан И. Б. Рациональное в структуре ценностного отношения // Рациональность науки и практики: Закономерности сближения: Сб. науч. тр. / Под ред. В. В. Кима. Свердловск: Урал. ун-та, 1989. С. 47.

⁹² Столович Л. Н. Красота. Добро. Истина: Очерк истории эстетической аксиологии. М.: Республика, 1994. С. 164.

⁹³ Там же. С. 165–168.

тому, чем он должен быть в этом мире. Не только исследователь углубляется в сущность действительности, но и действительность неуклонно движется к своему сущностному воплощению⁹⁴.

В сближении истины и ценности оппоненты М. А. Лифшица увидели грех гносеологизма в аксиологии. Не будем ворошить страницы прошлой дискуссии, а лишь согласимся с Л. Н. Столовичем, что этот порок неминуем, если трактовать ценностное отношение как разновидность познавательного процесса. «Нам представляется, – пишет автор, – более плодотворна такая методология научно-философского исследования ценности и ценностного отношения, при проведении которой не аксиологизируется гносеология и не гносеологизируется аксиология»⁹⁵.

Против этой установки трудно что-либо возразить, хотя пока никто не дал готовых рекомендаций для ее реализации. Что-то в виде намека на решение этой проблемы можно отыскать в работе самого Л. Н. Столовича, который, анализируя философские взгляды средневековых мыслителей на природу ценностей, замечает, что «объектно-субъектное отношение как отношение ценностное и не должно быть гносеологическим. Это отношение действительно подобно отношению любящего к любимому»⁹⁶. Таким образом, автор мимоходом высказывает очень важный тезис, касающийся специфики ценностного отношения. Кратко сформулировать его можно так: гносеологическое отношение в субъективном плане интеллектуально, ценностное отношение – эмоционально. Гносеологическое отношение ведет к формированию познавательного образа, ценностное – репрезентируется в сознании в виде ценностных оценок.

Простейшей формой ценностного сознания является оценка, а рождается она благодаря эмоциональной сфере человека (сердцу) – естественному «прибору», фиксирующему ценностные свойства окружающего мира. Еще Б. Спиноза нашел, что «познание добра и зла есть не что иное, как аффект удовольствия или неудовольствия, поскольку мы сознаем его»⁹⁷. Гораздо позднее русский религиозный мыслитель П. Д. Юркевич утверждал, что «сердце человека любит добро и влечется к нему, как глаз любит созерцать прекрасную картину и охотно останавливается на ней»⁹⁸. Аналогичные мысли высказывали и современные

авторы. Например, О. И. Джиоев выразил их так: «Ценность должна

⁹⁴ Лифшиц М. А. В мире эстетики. М.: Изобразительное искусство, 1985. С. 284, 289.
⁹⁵ Столович Л. Н. Красота. Добро. Истина: Очерк истории эстетической аксиологии. М.: Республика, 1994. С. 177.

⁹⁶ Там же. С. 39.

⁹⁷ Спиноза Б. Избранные произведения: В 2 тт. М.: Государственное издательство политической литературы, 1957. Т. 1. С. 531.

⁹⁸ Юркевич П. Д. Сердце и его значение в духовной жизни человека, по учению слова Божия // Философские произведения. М.: Правда, 1990. С. 95.

быть усмотрена, почувствована. Для восприятия ценности у человека имеются эмоции, чувства <...>»⁹⁹. Возникающая радость, удовольствие, восхищение при виде ценностного предмета – своеобразный «поклон» нашего чувственного восприятия эстетическим ценностям, по мнению Р. Ингардена¹⁰⁰.

Итак, при теоретическом моделировании ценностного сознания обнаруживается фундаментальность понятия ценностного отношения. Дальнейшие размышления приводят к вопросу о его отличии от гносеологического. Здесь открывается решающая роль эмоций для формирования ценностного сознания. Приоритет эмоционального начала в нем, т. е. то, что можно назвать эмотивизмом в позитивном и конструктивном смыслах этого слова (о негативном значении термина см. работу В. В. Прозерского¹⁰¹), является одним из важнейших принципов аксиологии, разделяемых представителями разных школ и направлений в далеком прошлом и настоящее время.

Стоит специально оговорить тот немаловажный момент, что первичность эмоций в постижении ценностных свойств предметного мира нельзя абсолютизировать, если иметь в виду реальный процесс духовной жизни. Прежде чем что-то может быть оценено, оно должно быть известно. «То же, о чем ничего не знаешь, нельзя ни любить, ни ненавидеть», – отмечал Гегель¹⁰². Чувства, как говорил Ф. Ницше, – не конец и не начало. «Настроение, которое ведет свое происхождение от чувства, есть внук суждения – часто ложного, и, во всяком случае, не твоего собственного»¹⁰³. Эмотивизм объясняет специфику ценностного отношения в чистом виде, тогда как практически оценочная деятельность сознания переплетается с познавательным процессом. Кроме того, мы сознательно не берем в расчет еще один элемент сознания – волю, с которой эмоциональная сфера связана не менее тесно, чем с интеллектуальными структурами.

Есть еще одно обстоятельство, очень важное для уяснения истинной роли эмоций в формировании ценностного сознания. Первичная эмоциональная реакция не может считаться полновесной мерой ценностных свойств и претендует лишь на звание первого необходимого этапа, ведущего к перспективе такой относительной полноты и совершенства. Из этого качества пластичности ценностного сознания, своеобразной диалектики головы и сердца исходила

⁹⁹ Джиев О. И. Структура духовной культуры // Культура в свете философии. Тбилиси: Мецниереба, 1979. С. 137.

¹⁰⁰ Ингарден Р. Исследования по эстетике. М.: Издательство иностранной литературы, 1962. С. 146.

¹⁰¹ Прозерский В. В. Критический очерк эстетики эмотивизма. М.: Искусство, 1983. 175 с.

¹⁰² Гегель Г. Работы разных лет. В 2 т. М.: Мысль, 1970. Т. 1. С. 389.

¹⁰³ Ницше Ф. Утренняя заря // Полн. собр. соч. М., 1901. Т. 3. С. 29.

многовековая практика образовательной деятельности. Без воспитания чувств нет образованного человека. Его чувства – также итог определенного развития: они должны положительно отзываться на высокое в окружающей действительности и отрицательно – на низкое. «С самого детства надо вести к тому, – говорил Аристотель, – чтобы наслаждение и страдание доставляло то, что следует, именно в этом состоит правильное воспитание»¹⁰⁴. Слова Стагирита перекликаются с признанием Конфуция: «Мне было пятнадцать лет, и я устремился к учению; стало тридцать – и я установился. В сорок я разрешил сомнения. В пятьдесят мне открылись законы неба. В шестьдесят, на склоне лет, я слышал лишь истину. И только в семьдесят я мог спокойно следовать велениям сердца, не боясь нарушить справедливость»¹⁰⁵. Общество, в котором педагогика отрицает перспективу идеального развития ребенка, возводит в культ его наличное состояние, утверждает симметрию между учителем и учеником, – рискует надолго лишиться себя стадии зрелости, мудрости, ответственности, понимания того, что есть подлинные ценности.

Богатство проявлений человеческой эмоциональности служит естественной основой для многообразных ценностных форм сознания. Не только религиозные, эстетические, нравственные, но и правовые, политические, научные оценочные представления, суждения, идеи берут начало в эмоциональной сфере сознания. Все виды общественного сознания несут в себе значительную долю эмоциональности, но, во-первых, она в них представлена далеко не одинаково, а во-вторых, соотношение эмоционального и рационального в любом виде сознания исторически подвижно. Так, приматом эмоционального восприятия миф отличается от последующих исторических типов сознания. Эмоциональность мифологического сознания связана, как считал Э. Кассирер, с олицетворяющим способом восприятия действительности. Каждый объект природы оказывается лицом: добрым или злым. Определить доброкачественность (или злокачественность) лица быстрее всего может эмоция¹⁰⁶. Авторские виды общественного сознания – религия, философия, искусство, наука – формировались, преодолевая первичный эмоциональный слой. Это преодоление всегда шло в русле рационализации элементов мифа.

Ведущее качество авторского, специализированного сознания – рефлексивное отношение к эмоциональному аспекту. Это касается не только философии и науки, но и искусства. Художественное

¹⁰⁴ Аристотель. Никомахова этика // Аристотель. Соч.: в 4 тт. М.: Мысль, 1984. Т. 4. С. 81.

¹⁰⁵ Алексеев В. М. В старом Китае. Дневники путешествия 1907 г. М.: Восточная литература, 1958. С. 205.

¹⁰⁶ Кассирер Э. Логика наук о культуре // Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке. М.: Гардарики, 1998. С. 47, 48.

творчество также попадает под контроль разума. Императивность данного обстоятельства по отношению к новоевропейскому искусству впервые осмыслил и выразил Буало:

Иной строчит стихи, как бы охвачен бредом:
Ему порядок чужд и здравый смысл неведом.
Чудовищной строкой он доказать спешит,
Что думать так, как все, его душе претит.
Не следуйте ему...
Всего важнее смысл; но чтоб к нему прийти,
Придется одолеть преграды на пути,
Намеченной тропы придерживаясь строго:
Порой у разума всего одна дорога¹⁰⁷.

Р. Ингарден отмечал, что искусствоведы и критики, постоянно имеющие дело с произведениями искусства, становятся настолько искушенными, что теряют способность к непосредственному эмоциональному восприятию художественных предметов. Однако для адекватной ценностной оценки они вынуждены вырабатывать в себе своеобразную технику обнаружения разных производных подробностей произведения искусства, на основании которых умозаключают о том, может ли оно быть ценным эстетическим предметом или нет. «Вынесение в этих условиях и в этом смысле суждения о ценности произведения искусства является чисто интеллектуальным переживанием <...>» – такой вывод делает известный представитель феноменологической школы¹⁰⁸.

В средневековой Европе эмоционально-оценочное восприятие преобладало над абстрактно-рационалистическим. Человеку традиционного общества были присущи изначальная близость к природе и природная невосделанность чувств, их глубинная укорененность в человеческой телесности. Шекспировский Дон Педро из комедии «Много шума из ничего» в реплике о другом персонаже этой пьесы, пожалуй, точно выражает характер телесной чувственности, свойственной людям доиндустриальной эпохи: «Сердце у него крепкое, как колокол, и язык хорошо привешен, так что у него всегда, что на сердце, то и на языке»¹⁰⁹.

Природа в античности и Средневековье получала неизменный эмоциональный отклик, так как здесь ее отождествляли либо с божественным Космосом, либо с божьим творением – «образом благодати». Еще просветители сохраняли к природе благоговейное

¹⁰⁷ Буало. Поэтическое искусство. М.: Художественная литература, 1957. С. 57.

¹⁰⁸ Ингарден Р. Исследования по эстетике. М.: Издательство иностранной литературы, 1962. С. 147.

¹⁰⁹ Шекспир У. Поли. собр. соч. В 8 т. Т. 4. М.: Искусство, 1959. С. 543.

чувство почтения: для них она была не только инертной силой, противостоящей человеку, но и воплощением гармонии и совершенства, последней инстанцией, обосновывающей принципы мышления, нравственности, законы человеческого общежития¹¹⁰. Как утверждалось в Великой французской энциклопедии, пока существует на земле человек, природа представляет собой патетическое и возвышенное зрелище¹¹¹.

Эпоха индустриализма разрушает сакральный мир традиционного общества: вносит технологическую рациональность в трудовой процесс, ставит на меркантильную основу человеческие отношения, гасит чувства преклонения перед величием и совершенством природы, уравнивает космический верх с земным низом и т. д. В ответ на эти социокультурные изменения в современном европейском обществе обозначались симптомы кризиса эмоциональности¹¹².

Теперь охарактеризуем ценностное сознание с содержательной стороны. Оно выражает себя средствами искусства (художественным образом), религии (символами), науки и философии (понятием, идеей, принципом, законом и др.). Неокантианцы баденской школы впервые четко показали, что интегративной формой, непосредственно связанной с содержательной стороной ценностного сознания, является оценка (точнее, ценностная оценка, в дальнейшем она и будет иметься в виду). В ней выражается отношение оценивающего сознания к представляемому явлению¹¹³. «Отнесение к ценности и оценка сопровождают человечество, – как верно отметил в свое время В. П. Тугаринов, – на всем историческом пути с тех пор, как люди выделились из животного мира»¹¹⁴.

Из всех многочисленных аспектов ценностных оценок мы обратим внимание на их бинарную оппозиционность и иерархическую ранжированность. Ценностное сознание делит мир явлений на противоположности добра и зла, прекрасного и безобразного, истины и заблуждения, сакрального и профанного, благородного и подлого и др. Все оппозиции воспринимаются им не порознь, а в виде единой оппозиции «верха» и «низа». К примеру, образы поэта и толпы из известного стихотворения А. С. Пушкина «Поэт и толпа» имеют такие ценностные характеристики, которые группируются в два ценностных комплекса: «высокого» (беспечный поэт, сын неба, посвященный в его смысл, бескорыстно служащий Аполлону, родоначальнику искусств) и «низкого» (бессмысленный народ – толпа, червь земли, заботящийся

¹¹⁰ Прозерский В. В. Критический очерк эстетики эмотивизма. М.: Искусство, 1983. С. 43.

¹¹¹ Дидро Д. Энциклопедия // Осадная башня штурмующих небо. Избранные тексты из Великой французской энциклопедии XVIII в. Л.: Детская литература, 1980. С. 59.

¹¹² Полис А. Ф. Эмоциональное и норма поведения личности // Вопросы философии. 1984. № 5. С. 108.

¹¹³ Виндельбанд В. Прелюдии: Философские статьи и речи. СПб.: Издание Д. Е. Жуковского, 1904. С. 24.

¹¹⁴ Тугаринов В. П. Теория ценностей в марксизме. Л.: ЛГУ, 1968. С. 104.

о телесном благополучии и утилитарных, обыденных предметах). Легко заметны и более общие комплексы, вплоть до предельно общих: добро, истина, красота – «высокое»; зло, ложь, безобразное – «низкое».

Каждая оппозиция обозначена полюсами, между которыми разворачивается иерархизированное ценностное пространство. Это градуированное ценностное поле способно вместить в себя весь мир: социальный и природный, космический и земной, знаковый и вещный, материальный и идеальный. Ценностное сознание выстраивает пирамиды и лестницы властных структур, форм человеческой деятельности, профессиональных занятий, жанров литературы, потребностей людей, природных существ и горных минералов, звезд и других космических тел и т. д. Оно «вертикально» по своему мышлению, оно структурирует мир иерархически, направляя свой взгляд снизу вверх, как пушкинский Сальери, горестно констатирующий:

Все говорят: нет правды на земле.
Но правды нет – и выше.

Ценностное сознание ранжирует все явления окружающего мира: на этом строится стратегия и тактика человеческих предпочтений, привязанностей, служения, выбора и т. д.

Деятельность человека носит организованный характер, подчиняется определенным схемам, соответствующей технологии, регулируется правилами и оценками, нормами и идеалами. Здесь конечные (целевые) причины играют решающую роль. Ценностное сознание, постигая ценности бытия как духовную вертикаль, указывает человеку на цели, далеко выходящие за пределы индивидуального существования.

АРТИКУЛИРОВАННОЕ БЫТИЕ: К ВОПРОСУ О ТОПОЛОГИИ АПРИОРНЫХ ПОЗНАВАТЕЛЬНЫХ ФОРМ СУБЪЕКТА В КОНТЕКСТЕ ФИЛОСОФСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ И. КАНТА

А. В. Шуталева

*кандидат философских наук, доцент кафедры онтологии
и теории познания Департамента философии Института
социальных и политических наук Уральского федерального
университета имени первого Президента России*

Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург

Аналитика пространства, собственной структуры и упорядоченности, которое конституируется как пересечение и совмещение различных «мест», не может быть определено как очертание какой-либо вещи, поскольку, «определять», по И. Канту, означает, собственно,